

Исповедь переписчика

Я — переписчик, обитель святую лет
не покидавший тридцать иль сорок,
знаю немного: книга мертва, если нет
в ней ни описок, ни оговорок;
суть на полях расположена и меж строк,
в буквицах явлена, в титлах скрыта;
время нещадно написанного песок
хрупкий сквозь крупное сеет сито.

Я — переписчик, одежда моя проста,
златом не блещет и перламутром
утварь, полати — для сна, для молитв — уста, —
ночь скоротать — и за дело утром:
в книге любой до конца от начала есть
то ощущение смертной битвы,
зря не одну изведёшь без коего десть,
и не помогут тебе молитвы.

Я — переписчик, смиренное ремесло
дарит возможность продлиться в мире:
медленно книги ветшают, — своих число
помню до точности: три Псалтири,
двадцать Апостолов, девять Палей, семь Пчёл,
пять Шестодневов, и каждый штучен, —
всё бы я мной переписанное прочёл,
если бы грамоте был обучен.

Слышу сквозь сон рокот немолчный где-то поблизости,
точно в ночи прибыл товарный поезд на станцию,
полный пустых бочек железных, и перекатывать
принялись их с места на место крепкие грузчики.

Вижу, глаза приоткрывая, всполохи яркие,
будто трубу в доме соседнем водопроводную
вдруг прорвал, но за починку без промедления
дружно взялись в масках и робах грозные сварщики.

Хоть и с трудом, но начинаю в тёмном сознании
перебирать бочки и трубы, связь их нащупывать,
и не могу, — знать, происходит битва великая
на небесах, здесь отзываясь блеском и грохотом.

Возле императорского трона в Зале Безмятежности Летнего дворца Ихэюань

Мальчика лет шести
служительниц умелые руки
обряжают бережно и старательно:

шёлковые на ножки штанцы
натягивают золотистого цвета
и рубашечку на тельце такую же

с вышитым спереди в облаках
приплясывающим драконищем, а сверху
распашной напяливают плащичек,

мехом отороченный по краям
рукавчиков колокольчатых, покрывают
головёнку приплюснутой шапочкой, —

так! — и усаживают на трон,
обитый бархатом желтоватым, —
и улыбка растягивается на личике

вширь до самых ушей,
лукаво усмеваются глазки,
но веселье чересчур безмятежное

вскоре заканчивается: взор,
мутнея, стеклянным и оловянным
наливается, суровеют насупленно

брови, ещё чуть-чуть —
и гневом запунцовеют щёки,
отдавать приказания захочется,

войско посылать на врага,
казнить и миловать беззаконно,
подавлять жестоко восстания,

чуждых уничтожение книг
приветствовать, слух настроив
на хвалы угодливых подданных, —

трёх не прошло минут,
как с трона стаскивают властелина
упирающегося, — подходит очередь

следующего за ним, — а ему
на память останется лишь десяток
фотографий отменнейшего качества.

Я спал в самолёте «Пекин — Москва»;
проснулся, глянул в окно,
а там, внизу, — пустая Сибирь,
и только волчьи глаза
сквозь дымку вышек огнём нефтяных,
поблёскивая, горят.

Одной извивающейся змее
другая вцепилась в бок:
вдоль каждой в разбросах полуколец
заметны следы борьбы, —
я знаю, там Иппокреной Иртыш
не ставший впадает в Обь.

И сон как будто рукой сняло,
мне виделись наяву
железных и клацающих клыков
желтеющие ряды,
сочащийся медленно липкий яд
с раздвоенных языков.